

УДК 334.7

А.В. Долгова

*Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация*

ИССЛЕДОВАНИЕ СУЩНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА КАК КВАЗИНТЕГРАЦИОННОЙ ФОРМЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

АННОТАЦИЯ. Растущая глобальная конкуренция, а также другие факторы изменяющейся экономической ситуации переводят внимание инвесторов со стран в целом на территории и районы, в которых синергетический эффект от взаимодействия предприятий разного масштаба не только повышает индивидуальную эффективность деятельности каждой из компаний, но и формирует существенный инновационный потенциал их объединения к созданию новой конкурентоспособной инновационной продукции. В этой связи жесткие центричные конструкции административного управления с откликом только на ценовые сигналы перестают отвечать запросам действительности и вытесняются более гибкой и интегрированной моделью построения связей — сетевым взаимодействием. Для российских компаний высокий интерес представляет накопившийся опыт зарубежных стран по инструментарию поиска кластерных инициатив, их развитию, в том числе внутрикластерной структуры, и их поддержанию с учетом всего спектра факторов, как способствующих, так и препятствующих жизнеспособности кластера. В статье проведен краткий анализ развития кластерной концепции, рассмотрены современные системы организации кластерно-сетевое взаимодействие. Предложено авторское определение кластера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Кластер, кластерное развитие, кластерные инициативы, система взаимосвязей, кластеризация экономики.

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ. Дата поступления 26 апреля 2019 г.; дата принятия к печати 21 июня 2019 г.; дата онлайн-размещения 15 июля 2019 г.

A.V. Dolgova

*Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation*

INVESTIGATION OF THE NATURE OF THE ECONOMIC CLUSTER AS A QUASINTEGRATION FORM OF A SPATIAL ORGANIZATION OF ECONOMIC ACTIVITY

ABSTRACT. The growing global competition, as well as other factors of the changing economic situation are shifting the investors' attention from countries as a whole to the territories and regions in which the synergistic effect of the interaction of various-scale enterprises not only increases the individual performance efficiency of each company but develops a significant innovative potential of their integration and creation of new competitive innovative products. Therefore, the rigid centric structures of administrative management with a response only to the price signals cease to respond to the demands of reality and are replaced by a more flexible and integrated model of building links — network interaction. Russian companies are highly interested in the accumulated experience of foreign countries in tooling search for cluster initiatives, their development, including the intra-cluster structure, and their support taking into consideration the whole spectrum of factors that both contribute to and hinder the viability of the cluster. The article presents a brief analysis of the cluster concept development, examines the present-day systems of managing the cluster-network interaction. It offers the author's definition of the cluster.

KEYWORDS. Cluster, cluster development, cluster initiatives, system of interconnections, clusterization of economy.

© Долгова А.В., 2019

Baikal Research Journal

электронный научный журнал Байкальского государственного университета

ARTICLE INFO. Received April 26, 2019; accepted June 21, 2019; available online July 15, 2019.

В последние два десятилетия мировое экономическое пространство под воздействием структурных и технологических сдвигов приобретает новую характерную черту — непрерывный динамичный трансформационный характер. Новая технологическая революция и массовизация использования интернет-технологий во всех без исключения сферах социально-экономических отношений поставили перед компаниями новые вызовы, связанные с повышающейся открытостью и доступностью онлайн-информации для всех заинтересованных пользователей. Рост числа последних неизбежно приводит к «стиранию» географических расстояний между участниками рынка и непрерывному росту уровня неопределенности внешней среды. Эти и многие другие институциональные обновления стимулируют государства находить новые источники конкурентных преимуществ и выводить в качестве самостоятельных участников рыночных отношений региональные системы с видоизмененными горизонтально-сетевыми связями, моделями экономического управления и сетевыми системами координации.

Как отмечает Н. Смородинская кластерные сети «являются гибридной конструкцией, которая занимает промежуточную позицию между рынком и иерархией, синтезируя их функции и устраняя их системные недостатки» [1]. Таким образом сети, имея открытые границы, получают синергетический эффект с одной стороны от роста масштабов своих узлов (добавление новых участников внутренних структур), с другой — от быстрой реконфигурации, которая проявляется через ускорение верификации принимаемых решений, координации действий и повышение адаптационных свойств сети в целом и ее готовности к непрерывным инновациям. Модель управления в кластерной сети представляет собой не простое делегирование части функций государственных органов, а переход от вертикали к смещению центров влияния — мультипростановочности управленческих и координационных суверенов (международные деловые сообщества, альянсы, международные организации, региональные участники и т.п.) в репозиториях знаний и местах их трансформации и передачи.

Если раньше признаки формирования кластерно-сетевого взаимодействия компаний имели хаотичный характер возникновения и развития, то с 1990-х гг. прошлого века кластерно-сетевое взаимодействие стало популярным инструментом развития территорий всего мирового экономического пространства. Как отмечает А.Е. Шаститко одним из фундаментальных тезисов, объясняющих растущую популярность кластерной проблематики, является то, что повышение конкурентоспособности на уровне сектора и / или региона может быть достигнуто только усилиями многих компаний, которые, конкурируя друг с другом и / или взаимодействуя в рамках вертикальных или конгломератных соглашений, создают локальную бизнес-среду и, опираясь на ее свойства, выявляют новые возможности использования известных ресурсов, а также создают новые ресурсы [2].

Сегодня в экономической литературе кластеры ассоциируются с конкурентоспособностью, государственной политикой и высокими технологиями. Несмотря на это среди теоретиков и практиков не достигнут принципиальных консенсус в теоретическом закреплении аналитических границ кластера и кластерной теории в целом. При этом среди ученых и теоретиков практически нет разногласий в вопросе, что на кластеры как феномен гибких форм взаимодействия компаний, связанных единой цепочкой формирования добавленной стоимости, впервые обратил внимание М. Портер.

Термин «кластер» как и его основные структурные принципы описания взаимодействия его участников были заимствованы из естественных наук, таких как физика, информатика, биология и др. Заимствованное из английского языка «cluster» (кисть, пучок, скопление) в общем смысле означает самостоятельную локализованную единицу, представляющую собой объединение однородных элементов.

М. Портер совместно с группой исследователей смоделировал влияние географического расположения компаний на конкурентную борьбу с использованием основных взаимодействующих сил — детерминант, представленных в виде ромба. Итогом его работы была разработка концепции «Бриллиант конкурентного преимущества страны» или «Конкурентный ромб Портера». Такую географическую концентрацию фирм М. Потрет определил через промышленный кластер — «группу географически соседствующих взаимосвязанных компаний и связанные с ними организации, которые конкурируют, но вместе с тем действуют в определенной сфере и характеризуются общностью деятельности и взаимодополняют друг друга» [3; 4].

По сути, сделанное Портером заключение о том, что рост конкурентных преимуществ компании основывается не только на таких факторах, как образование и инновации, но и на взаимодействии компаний родственных и поддерживающих отраслей, не является концептуально новым. Ромб конкурентных преимуществ М. Портера представляет собой синтез по меньшей мере трех известных в то время теорий конкурентоспособности (табл.): теории нового роста, теории взаимоотношений производитель-потребитель, модели сетевого взаимодействия.

Таблица

Связь теории «Ромб конкурентных преимуществ» М. Портера с предшествующими теориями конкурентоспособности

Детерминанты конкурентоспособности				
	Условия для факторов	Состояние спроса	Родственные и поддерживающие отрасли	Устойчивая стратегия, структура и соперничество
Предшествующие теории	Теория нового роста (П. Ромер)	Теория взаимоотношений производитель-потребитель (Б.-О. Лундваль)	Модель сетевого взаимодействия (А. Маршалл)	
	Основным фактором экономического роста является рост капиталовложений в НИОКР и инвестиции в человеческий капитал	Связь между производителями и потребителями обеспечивает создание инноваций, помогающих развитию производства	Для достижения конкурентоспособности каждого отдельного предприятия необходимо создать сеть таких предприятий, чтобы они могли функционировать вместе, дополняя друг друга	

Источник: составлено по [3].

Так как кластер как структурообразующий звено создается на «выходе» данной модели, М. Портер утверждал, что в силу неопределенности будущего любые кластерные инициативы вне зависимости от их масштабов и глубины должны иметь поддержку со стороны государства.

Ближайший последователь М. Портера американский ученый М. Энрайт развил теорию в части географического масштабирования конкурентного преимущества, доказав, что конкурентные преимущества создаются на региональном уровне, так как именно на этом уровне реализуются исторические предпосылки

развития регионов, разнообразие культур ведения бизнеса, организации производства и получения образования. По М. Энрайту региональный кластер:

– представляет собой «географическую агломерацию фирм, работающих в одной или нескольких родственных отраслях хозяйства»;

– включает в себя: (1) промышленный район малых и средний предприятий, (2) концентрацию высокотехнологичных фирм, связанных через развитие и использование общих методов производства (технологий), (3) производственную систему с представительствами крупных ТНК и фирм, отделившихся в результате процесса спин-офф (spin-off);

– имеет три уровня конкурентного преимущества (1) супранациональный (региональный кластер, созданный несколькими схожими штандортами промышленности, объединенными общим экономико-географическим положением, но расположенными в разных государствах), (2) национальный (региональный кластер, созданный несколькими смежными районами в пределах одной страны, проводящими интенсивную кооперацию) и (3) локальный (региональный кластер, созданный несколькими рядом расположенными городами, имеющими схожую специализации и проводящими активную политику обмена знаниями и инновациями) [5].

Другим представителем американской школы теорий конкурентоспособности, развившем положения промышленных и региональных кластеров, является М. Сторпер.

Согласно теории М. Сторпера региональный кластер:

– должен развиваться по «идеальному» сценарию из шести стадий: (1) образование фирм-пионеров на основе местных специфических навыков производства, процесс spin-off, (2) создание системы специальных поставщиков, обслуживающих фирмы и специализированного рынка рабочей силы, (3) образование новых организаций для оказания поддержки фирмам, работающим в кластере, (4) привлечение в кластер внешних отечественных, а затем и иностранных фирм, высококвалифицированной рабочей силы как новых стимулов для организации новых кластерных фирм, (5) создание нерыночных активов между фирмами, которые стимулировали бы диффузию инноваций, информации и знаний, (6) период упадка кластера из-за ситуации, когда кластер исчерпал свой инновационный потенциал, а закрытость кластера не позволяет ему черпать инновации с внешнего рынка (lock-in situation);

– отклонения развития кластера от «идеального» сценария происходит из-за местных национальных, этнических и экономико-географических особенностей¹.

Приведенные нами выше и другие теории конкурентоспособности, разработанные представителями американской школы, в первоначальном виде предназначались главным образом для развитых стран и для ресурсоориентированных отраслей промышленности. Другой ареной для развития кластерной теории были малые страны (в частности, скандинавские), которые в конце XX в. переживали сильное внешнее конкурентное давление с одной стороны, от больших развитых стран, а с другой — от новых индустриальных стран. Данный процесс, получивший название «двусторонний нажим на малые страны», послужил толчком к развитию новых стратегий развития и создания конкурентных преимуществ и драйвером в развитии кластерной теории.

Первое теоретическое оформление новые идеи получили в теории «национальной системы инноваций» датского ученого Б.-О. Лундвалья. В качестве первого постулата ученый не только подверг сомнению устоявшееся представление о при-

¹ Regional Clusters in Europe // Observatory of European SMEs. 2002. N. 3.

роде инновации, но и доказал обратное. Усомнившись в постулате классической теории (в частности концепции «созидательного разрушения» Й. Шумпетера) о том, что инновация представляет собой дискретное событие неординарного характера, разрушающее общее равновесие системы и проводящее к созданию более совершенной экономической системы через революцию, Лундваль ввел понятие добавочной инновации (incremental innovation), доказав, что инновация по своей природе кумулятивна и является «повседневным» процессом: в рамках «малой» страны инновации создаются ежедневно и их невозможно разграничить, потому что они создаются друг на друге [6].

Вторым постулатом теории Б.-О. Лундвала является признание обучения (learning) в качестве главного процесса развития конкурентоспособности малого государства. Веденный им термин «learning economy» обозначающий непрерывный процесс обмена и совершенствования знаний и навыков, необходимых для создания более совершенного продукта, уже давно не ассоциируется с малыми скандинавскими странами, а признан во всем мире.

Дальнейшее развитие феномен «экономика обучения» получил в совместных работах Б.-О. Лундвала с другим датским ученым Б. Йонсоном, который отметил, что процесс обучения в экономике неразрывно связан с процессом забывания — «привычки и привязанности населения могут тормозить процесс повышения конкурентоспособности государства» [3].

Объясняя «экономику обучения» Б. Йонсон и Б.-О. Лундваль классифицировали все знания, которые приобретает человек, на четыре основные таксономические группы: (1) знаю-что (know-what, простые знания фактов о произошедших событиях), (2) знаю-почему (know-why, знания о принципах и законах поведения человеческого общества), (3) знаю-как (know-how) и (4) знаю-кто (know-who). Знания третьей и четвертой группы, это практические знания, приобретаемые в процессе работы. Именно эти два типа знания относятся к типу инноваций и имеют особое значение для фирм, входящих в состав кластеров, потому что именно в кластере особое значение приобретает постоянный и своевременный обмен информацией между участниками.

Поддержка развития кластеров и промышленных регионов на основе описанных теорий конкурентоспособности стала применяться рядом развитых и развивающийся стран с конца 1990-х гг. для повышения конкурентоспособности своих территорий. И как показал проведенный анализ современной экономической литературы дальнейшие разработки в вопросе определения сущности кластерных образований, предлагаемые различными теоретиками, практиками и организациями, представляют собой как правило дополнения и расширения сформированной М. Портером дефиниции понятия кластера² [3; 7–10].

В экономической литературе, как правило выделяю три основополагающие модели структурной организации кластеров. Первая, базовая, модель разработана шведским экономистом О. Сольвеллом, который определил шесть взаимосвязанных групп участников кластера: (1) бизнес среда; (2) финансовые организации; (3) государственные учреждения; (4) образовательные и научные учреждения; (5) частно-государственные партнерства; (6) медиа. Важным замечанием его теории является то, что О. Сольвелл, не описывая основные направления взаимосвязей между участниками кластера, отмечает, что кластер возникает только тогда, когда между всеми участниками возникают взаимосвязи и появляется согласованное взаимодействие с внешней средой [11; 12].

⁴ Design of Cluster Initiatives — An Overview of Policies and Praxis in Europe. Learning Module 1. URL: http://clusterpolisees3.eu/ClusterpoliSEEPortal/resources/cms /documents/2012.09.11_Regional_clustering_and_networking_as_innovation_drivers.pdf.

Второй базовой для кластерной теории моделью является модель, предложенная Е. Фезером, который предложил рассматривать кластер как потребителя и поставщика товаров и услуг (в том числе знаний, компетенций, человеческих ресурсов и т.п.), подчеркивая важность установления связей кластера с образовательными и научными учреждениями с целью обеспечения каналов трансфера и коммерциализации разработок и результатов исследований.

Можно обозначить два главных источника инноваций в кластере: с одной стороны, инновационное развитие происходит как правило в тех регионах, в которых присутствуют крупные университеты и исследовательские центры. С другой стороны, классический шумпетеровский предприниматель — это человек, приносящий творческие разрушения установившимся институтам и технологиям: разрабатывая и выводя на рынок новые идеи (продукты, услуги), он не только оказывает благотворительное влияние, но и запускает катастрофические разрушительные процессы для компаний, работающих по устаревающим технологиям и бизнес-моделям.

Таким образом мы можем утверждать, что участниками кластера выступают как минимум пять крупных групп акторов:

- 1) крупный, средний и малый бизнес, которые коммерциализируют инновации и проверяют их конкурентоспособность;
- 2) инвесторы, предоставляющие финансовые ресурсы, необходимые для внедрения изобретений и новых бизнес-моделей;
- 3) органы государственной власти, которые создают благоприятные условия развития территорий;
- 4) научные организации и образовательные учреждения, которые создают новые передовые знания, воспитывают и обучают человеческие ресурсы;
- 5) средства массовой информации.

При этом между всеми подсистемами акторов кластера существуют так называемые разрывы (*gaps in a cluster*) по «взаимодействию в процессе «общения» друг с другом, перетоку информации, сотрудничеству и обмену знаниями [7]. Подобные препятствия либо полностью «разрывают» связи между подсистемами, либо частично препятствуют взаимодействию. Это означает, что несмотря на большой потенциал для динамического взаимодействия между участниками кластера, часто используется лишь его доля.

Мировая практика убедительно доказала, что кластерный подход, изначально принявшийся для повышения конкурентоспособности отдельных территорий, не только доказал свою роль «драйвера» развития компаний и эффективного инструмента построения конструктивного диалога между субъектами участниками кластера (и главным образом между частным сектором и государством), но и стал применяться в последнее время для более широкого круга задач, в том числе: при анализе конкурентоспособности государства, региона, отрасли; как основа общегосударственной промышленной политики; при разработке программ регионального развития; как основа стимулирования инновационной деятельности; как основа взаимодействия крупного и малого бизнеса [13] и др.

Современная экономическая теория рассматривает кластеры как системные объекты, обладающие единообразными качественными параметрами, поэтому в большинстве случаев кластеры «находят» там, где их нет или, подменяя терминологию, рассматривают в качестве кластеров близкие экономические образования. При этом для кластерных структур как сетевой модели кооперации хозяйственной деятельности в экономической литературе, используя разные формулировки и степень детализации, выделяют следующие характерные свойства:

– предполагая, что в состав кластер могут входить только компании одной отраслевой принадлежности, отмечают однородность хозяйствующих субъектов при вторичности формы собственности;

– наличие центростремительных сил — развивая кооперационные связи и стремясь сохранить внутреннюю самостоятельность и независимость, предприятия и организации так или иначе концентрируются вокруг определенной ядерной компании. Стоит сделать оговорку, что ряд авторов придерживается мнения, что могут иметь место и децентрализованные кластерные структуры, которые в привычном для нас понимании лишены управленческого органа;

– отсутствие четкости территориальных границ и внутренней структуры;

– «общность» ресурсов, а точнее множественность способов их комбинирования;

– отсутствие единого подхода, множественность типологий и классификаций заставляют авторов при определении внутренней инфраструктуры кластера обращаться за аналогиями в другие науки — главным образом в биологические науки.

Развитие кластерных инициатив не происходит в закрытом пространстве, а подвержена влиянию разного рода внешних факторов, в которой функционируют предприятия. Кластерная инициатива — это синергия инновационной активности участников кластера, которые с одной стороны юридически и финансово независимы друг от друга, с другой непрерывно совершенствуют и обновляют конкурентные преимущества за счет разного вида нововведений в рамках кластера.

Каждый из участников кластерной инициативы имеет доступ к определенным уникальным ресурсам (специализированные технологии, персонал определенной квалификации, финансовый капитал и пр.), которые в рамках кластера могут иметь множество различных вариантов комбинаций. Данный процесс сетевого межфирменной коллаборации вне любой иерархии получил отражение в модели тройной спирали: предприятие — наука — органы власти.

В рамках модели тройной спирали эффективность кластера достигается благодаря следующим факторам:

1) интерактивное сотрудничество участников кластера, которое обеспечивается построением цепи (системы) прямых и обратных связей в виде своего рода «паутины». В результате создается система коммуникаций: через доверие и межличностные коммуникации выстраивается взаимодействующее партнерство, позволяющее обмениваться специфическими функциями, формировать формальные и неформальные потоки знаний;

2) в последние годы роль ключевого драйвера развития экономики переходит от государства к научным, исследовательским и образовательным организациям, генерирующим, обновляющим знания и являющихся одним из основных их репозиториями. Появление инновационных технологий невозможна без появления новых знаний, которые являются результатом развитой структуры исследований и проведения НИОКР;

3) человеческий капитал, который формируется благодаря развитию конкурентоспособных навыков не только высшего менеджмента, но и всего вовлеченного персонала [14].

Как отмечает Н. Смородинская [1] непрерывность инноваций как интегральный эффект спирали достигается благодаря концентрации идей и научных коллективов на конкретной территории, которые создают определенное пространство консенсуса между бизнес-средой и научным сообществом и налаживают кооперационные связи (в том числе при активном содействии государства) и в процессе разработки совместных проектных идей формируют инновационное пространство через объединения идей, технологий и капиталов в различных доступных комбинациях.

Соответственно количество стартовых механизмов будет напрямую зависеть от того какая выбрана конфигурация взаимодействия между тремя основными группами участников: наука и образование — бизнес среда (в том числе средний и малый бизнес, МИПы) — государство. Данное тройственное взаимодействие в силу сложности, разнообразия, изменчивости и динамичности процессов до сих пор не может быть описано в виде математического выражения, привычного для большинства экономических моделей, основывающихся на признании однородности и количественной определенности алгоритма развития экономического алгоритма.

На основе проведенного исследования мы предлагаем рассматривать экономический кластер не просто как сетевую структуру, а как гибкую самоуправляемую и целостную локализованную систему экономических акторов, которые формируют ряд внутренних (для экономических субъектов — участников кластера) и внешних (для региона, страны в целом) положительных синергетических эффектов.

Данное определение аккумулирует в себе набор признаков, присущих большинству кластеров (учесть все мельчайшие особенности существующих кластеров и потенциальных успешных кластерных инициатив не представляется возможным в силу инновационного характера каждого из них), и раскрывает основные принципы функционирования кластера, а именно:

- самоуправляемость и способность к саморазвитию при одновременном поддержании собственной конкурентоспособности и конкурентоспособности своих участников;

- отсутствие барьеров входа для всех заинтересованных агентов-инициаторов коллаборации (обеспечение целостности системы);

- переплетение прямых и обратных горизонтально-вертикальных связей обеспечивает распределенную систему взаимосвязей между субъектами-участниками, а также широким спектром возможностей по поиску и исправлению «разрывов» таких взаимосвязей;

- локализация кластеров предполагает выход за рамки территориально-географического масштабирования в пространственно-информационную экономическую бизнес среду, измеряемую скоростью обмена ресурсами, знаниями и навыками.

В настоящее время государственная политика нашей страны также ориентирована на развитие кластерных инициатив в субъектах Российской Федерации. Образование инновационной среды в стране возможно если на институциональном уровне будут сформированы три сетевые пространства: локализованное пространство знаний — пространство консенсуса — пространство инноваций.

Главным генератором постоянно развивающихся знаний является наука, поэтому для «закручивания» механизма тройной спирали необходима критическая концентрация идей, научных коллективов и инновационной деятельности на определенной территории. В настоящее время многие российские вузы отмечают тенденции застоя или снижения эффективности в развитии научно-исследовательской деятельности по отдельным направлениям работ и как следствие низкую эффективность в сфере коммерциализации интеллектуальной собственности.

До сих пор место и роль государства в вопросах развития и институционализации кластеров ключевая роль принадлежит государству. Связи между основными участниками кластера — предприятием — наукой — органами власти является интерактивной (отсутствует полное переплетение функций). С другой стороны, отсутствие налаженной системы координационных связей между образованием, наукой и бизнесом, в том числе в части выстраивания системы заказов на НИР, приводит к тому, что большинство проводимых в рамках университетов исследований не соответствуют реальным потребностям бизнес сообщества города / региона.

Нарушение треков первых двух пространств приводит к невозможности создания пространства непрерывных инноваций, где государство выступает в качестве интерфейс-менеджера, ключевыми задачами которого является создание благоприятной среды для развития кластерных инициатив, координации и гармонизация взаимодействия участников кластера.

За последние пять лет в России был принят ряд документов, в которых отмечается место и роль кластерных структур в социально-экономическом развитии нашей страны. В частности, реализация национального проекта «Наука», целью которого является создание к 2025 г. не менее 15 научно-образовательных центров (НОЦ), в том числе межрегиональных, мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперациями с бизнес-структурами. Целью таких НОЦ станет не только проведение научных исследований и разработок мирового уровня, результатам которых должны стать новые конкурентоспособные технологии и продукты, но и дальнейшая коммерциализация полученного продукта, в том числе путем создания малых инновационных предприятий.

Кластерная политика России является адекватным ответом на изменение ситуации в мировом экономическом пространстве и нацелена на достижение таких социально-экономических эффектов, как обеспечение присутствия России в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития. По приоритетам реализации кластерная политика не уступает инновационной, и государство оказывает всестороннюю поддержку по созданию благоприятного климата для развития кластеризации в стране.

Список использованной литературы

1. Смородинская Н. Тройная спираль как матрица экономических систем / Н. Смородинская // *Инновации*. — 2011 — № 4 (150). — С. 66–78.
2. Шаститко А.Е. Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения / А.Е. Шаститко // *Балтийский регион*. — 2009. — № 2. — С. 9–31.
3. Пилипенко И.В. Новая геоэкономическая модель развития страны: повышение конкурентоспособности с помощью развития кластеров и промышленных районов / И.В. Пилипенко // *Безопасность Евразии*. — 2003. — № 3. — С. 580–604.
4. Портер М. Конкуренция / М. Портер. — М. : Вильямс, 2002. — 495 с.
5. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? / M.J. Enright // *World link*. — 1992. — N. 5. — P. 24–25.
6. National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning / ed. B.-A. Lundvall. — London : Pinter Publishers, 1992. — 317 p.
7. Asheim B.T. Location, agglomeration and innovation: Towards regional innovation systems in Norway? / B.T. Asheim, A. Isaksen ; STEP group. — Oslo, 1996. — R-13.
8. Boosting Innovation: The Cluster Approach / ed. J. Guinet. — Paris : OECD Publishing, 1999. — 428 p.
9. Екимова К.В. Теоретические аспекты использования кластеров в формировании конкурентоспособной экономики / К.В. Екимова, Е.В. Федина // *Вестник Уральского института экономики, управления и права*. — 2009. — № 3. — С. 67–77.
10. Фатеев В.С. Кластеры, кластерный подход и его использование как инструмента регулирования развития национальной и региональной экономики / В.С. Фатеев // *Вестник Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 5 Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія*. — 2012 — № 2 (131). — С. 40–50.
11. Sölvell Ö. Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces / Ö. Sölvell. — Stockholm : Ivory Tower Publishers, 2008. — 141 p.
12. Lindqvist G. Clusnet Final Report. Organising Clusters for Innovation: Lessons from City Regions in Europe [Electronic resource] / Lindqvist G., Ö. Sölvell. — Mode of access: <http://www.clusterobservatory.eu/eco/uploaded/pdf/1320142912710.pdf>.

13. Фридман Ю.А. Региональные кластеры и инновационное развитие / Ю.А. Фридман, Г.Н. Речко, Д.В. Крицкий // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2009. — № 3. — С. 129–138.

14. Суханова П.А. Модели эффективных кластеров в условиях становления экономики инновационного типа: обзор зарубежных и отечественных подходов / П.А. Суханова // *Ars Administrandi*. — 2016. — № 3. — С. 17–28.

References

1. Smorodinskaya N.V. Triple Helix as a New Matrix of Economic Systems. *Innovatsii = Innovations*, 2011, no. 4 (150), pp. 66–78. (In Russian).

2. Shastitko A. Clusters as a Form of Spatial Organisation of Economic Activity: Theory and Practical Observations. *Baltiiskii region = Baltic Region*, 2009, no. 2, pp. 9–31. (In Russian).

3. Pilipenko I.V. A New Geo-Economic Model of the Country's Development: Raising the Competitiveness by Development of Clusters and Industrial Regions. *Bezopasnost' Evrazii = Safety of Eurasia*, 2003, no. 3, pp. 580–604. (In Russian).

4. Porter M. *On Competition*. Boston, Harvard Business School, 1998. (Russ. ed.: Porter M. *Konkurentsiya*. Moscow, Vil'yams Publ., 2005. 602 p.).

5. Enright M.J. Why Clusters are the Way to Win the Game? *World link*, 1992, no. 5, pp. 24–25.

6. Lundvall B.-A. (ed.). *National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning*. London, Pinter Publishers, 1992. 317 p.

7. Asheim B.T., Isaksen A. *Location, agglomeration and innovation: Towards regional innovation systems in Norway?* Oslo, 1996. R-13.

8. Guinet J. (ed.). *Boosting Innovation: The Cluster Approach*. Paris, OECD Publishing, 1999. 428 p.

9. Ekimova K.V., Fedina E.V. Theoretical Aspects of Using Clusters in the Formation of Competitive Economy. *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava = Herald of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2009, no. 3, pp. 67–77. (In Russian).

10. Fateev V.S. Clusters, the Cluster Approach and its use as a Tool for Regulating the Development of National and Regional Economy. *Vesnik Grodzenskaga dzjarzhavnaga universiteta imja Janki Kupaly. Seryja 5 Jekonomika. Sacyjalogija. Bijalogija = Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 5. Economics. Sociology. Biology*, 2012, no. 2 (131), pp. 40–50. (In Russian).

11. Sölvell Ö. *Clusters. Balancing Evolutionary and Constructive Forces*. Stockholm, Ivory Tower Publishers, 2008. 141 p.

12. Lindqvist G., Sölvell Ö. *Clusnet Final Report. Organising Clusters for Innovation: Lessons from City Regions in Europe*. Available at: <http://www.clusterobservatory.eu/eo/uploaded/pdf/1320142912710.pdf>.

13. Fridman Yu.A., Rechko G.N., Kritskii D.V. Regional clusters and innovative development. *Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Kuzbass State Technical University*, 2009, no. 3, pp. 129–138. (In Russian).

14. Sukhanova P.A. Efficient Cluster Models In Conditions Of Innovative Economy: The Review Of Foreign And Domestic Approaches. *Ars Administrandi*, 2016, no. 3. pp. 17–28. (In Russian).

Информация об авторе

Долгова Антонина Владимировна — ассистент, кафедра маркетинга, экономический факультет, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, г. Москва, e-mail: dolgova-av@rudn.ru.

Author

Antonina V. Dolgova — Assistant Professor, Chair of Marketing, Faculty of Economics, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation, e-mail: dolgova-av@rudn.ru.

Для цитирования

Долгова А.В. Исследование сущности экономического кластера как квазинтеграционной формы пространственной организации экономической деятельности / А.В. Долгова // *Baikal Research Journal*. — 2019. — Т. 10, № 2. — DOI : 10.17150/2411-6262.2019.10(2).13.

For Citation

Dolgova A.V. Investigation of the Nature of the Economic Cluster as a Quasintegration Form of a Spatial Organization of Economic Activity. *Baikal Research Journal*, 2019, vol. 10, no. 2. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(2).13. (In Russian).